

▼ Память хранит

Евгения ЕВАНГУЛОВА

Крестный путь

(Продолжение. Начало в №6 от 16.02.2017 г.)

2. Реабилитация, 1953-1957 годы

В 1953 году, вскоре после смерти Сталина, возникли слухи о готовящихся «пересмотрах дел». Мама в воспоминаниях писала:

«В начале марта 1953 года по радио объявили о смерти Сталина. Я почувствовала вдруг, как с меня сняли какой-то колоссальный груз».

Когда я в том самом 1953 году, приехав в Москву, снова отправилась на Лубянку за известиями об отце, то в выданной мне новой справке значилось: «Умер в 1939 г.». В 1947 г. они мне лгали, отвечая: «Жив и работает в лагерях», впрочем, как и на этот раз.

Несмотря на то, что прошло 16 лет, у зарешёченных окошек в тех же злчных местах по-прежнему скапливались толпы людей. Приходили матери, сёстры, дети узнать хоть что-нибудь о судьбе своих близких, пропавших без единой вести в 1935-37 годах, а иногда раньше или позже. И эти казённые, наполненные людьми комнаты оглашались порой страшными криками непередаваемой боли, когда в руки женщин попадали эти сухие краткие извещения о смерти. Пелена с глаз спадала, и не трудно было догадаться, что это означало, потому что справок таких было сотни тысяч.

Никогда не забуду, как стонала поддерживаемая под руки совсем пожилая, одетая в чёрное, интеллигентная женщина. Глаза у неё были сухи и она беспрерывно повторяла фразу: «Я вижу, как мой сын стоит на краю ямы перед расстрелом...» Это было очень страшно. Как у Ахматовой: «И выла старуха, как раненый зверь...»

Наверное, хорошо, что бабушка и дедушка умерли, так и не узнав ужасающей правды. Зато мы с мамой испили полную чашу.

Обогащённая тяжким опытом прошедших лет, я научилась писать бюрократические запросы вместо наполненных отчаянием писем и прошений. И получила на стандартных бланках лаконичные ответы.

Так продолжалось с 1954 по 1957 годы.

В 1956 году из стен здания, где проходил XX партийный съезд, прогремели на весь земной шар разоблачения злодеяний руководителей Советского государства (Сталина, Ягоды, Ежова, Берии, Молотова, Кагановича и многих других).

На общих собраниях трудящихся зачитывали письмо ЦК о массовом уничтожении соотечественников. Однако кровавые палачества, совершённые властями и их предержащими с 1917 года, остались безнаказанными. Более того, под давлением коммунистических властвующих структур вообще старательно предавались забвению, поскольку о суде людском над преступниками никто не задумывался, а о Божьем суде в стране без Бога и вовсе не помышляли.

К 1957 году были закончены мои хождения по пересмотру дела моего отца и получена из Военной Коллегии Верховного суда СССР стандартная для миллионов людей справка о «посмертной реабилитации».

Тогда же была получена справка о реабилитации мамы. Из маминых воспоминаний:

«В один прекрасный день меня вызвали в Ленинградскую прокуратуру, и я с замиранием сердца вошла в комнату, где за столом сидел толстый дядя. Он задал мне несколько вопросов, показал протокол моего допроса в Оренбурге и попросил рассказать, как всё происходило.

После моего изложения всего происшедшего в 1937 году, он совершенно равнодушным тоном мне объявил: «Да, 8 лет Вы отбарабанили зря, теперь Вы реабилитированы!» Вручил мне бумагу, и я отправилась домой!»

Началась прописка «пострадавших во времена культа личности», как предписывалось деликатно изъясняться, по месту их жительства до ареста. Даже предоставляли минимальную площадь вместо когда-то узурпированной сотрудниками НКВД.

Но этот акт стоил пострадавшим колоссального напряжения нервов и траты здоровья.

Почти два года ушли у мамы на добывание вереницы справок, например, с подписями оставшихся в живых к 1957 году жильцов нашей коммунальной квартиры, подтверждавших жительство родителей до 1937 года в Москве. Или требуемых властями, помимо послужного списка отца, множества справок с мест его работы – для оформления мизерной пенсии маме за её безвинно расстрелянного мужа. Гнусная торговля властвующих чиновников при оценке стоимости мебели и прочих вещей, изъятых чекистами при аресте родителей.

Всё это отнюдь не напоминало гуманный порыв раскаявшихся преступников.

По преодолении этих мытарств и получении мамой «жилплощади в городе своего проживания до ареста», т.е. в Москве, комнаты 12 м² на Ленинградском проспекте с последующим обменом её на Ленинград, жизнь наша влилась в русло, классическое для «оттепельных» 60-х, а затем «застойных» 70-х лет: «кухонные» встречи с друзьями, ночные бдения с подпольной труднодоступной литературой в руках («закордонной» и «самиздатовской»), диссидентские мысли и упования, сопереживание поработанным советскими танками чехословакам, страдания из-за травли советскими властями Солженицына, Сахарова, Ростроповича с Галиной Вишневской, приправленные ненавистью к КГБ и презрением к коммунистам.

В 1972 году мама описала кошмар своих лагерных испытаний, а я закончила мои воспоминания, естественно, «ящичные» – без надежды на печать, остановившись на 1957 году, с добавлением трёхстраничного послесловия. В нём я рассказала о своих запросах в начале 70-х в органы для выяснения даты и места гибели моего отца и о получении от них лживых «Свидетельств о смерти».

Преступным деятелям всемогущих организаций было невдомёк, что душевная боль, как вечный символ нашего бытия, не могла утихнуть от раскрытия правды о немислимых изуверствах наших властей. Она только усугублялась из-за отсутствия сведений об обстоятельствах и месте гибели наших родных. Тому же способствовала и политика «наследников Сталина», стремившихся утопить в море забвения вопиющую истину о сановных преступниках и их исполнителях-палачах.

3. 1985-1999 годы: Вторая ступень реабилитации

Одним из показателей грядущих с середины 1980-х годов перемен в нашем сумрачном царстве стал забурливший ручей незапланированной литературы, таившейся до поры до времени в шкафах и ящиках. Началась знаменитая эпоха «гласности».

Приступила и я к пополнению и обновлению своих материалов начала 70-х годов, постаравшись отразить часть семейных событий, произошедших за последнее 15-летие.

Самой природой обусловлено стремление душевно страдающего многие годы человека найти выход испытываемой боли.

Сотни тысяч людей нашей страны, перенёсших трагедию бессмысленного и мученического уничтожения своих близких по воле властей, вероятно, согласятся с этой мыслью. Но как это осуществить?

Один путь – месть истязателям-убийцам, как распорядителям, так и исполнителям, но он опасен, ибо не пресекаем, как кровавая вендетта, или, как, например, череда убийств в древнегреческой трагедии Эсхила «Орестее».

Другой путь, за отсутствием суда людского, молчаливый призыв кары Божьей на головы преступников. Но при глухой засекреченности их имён и троп их теперешней жизни, нет и удовлетворения от возмездия, т.к. мы никогда не узнаем их судьбы.

Наконец, ещё есть возможность – увековечение памяти погибших с оглашением их имён и обстоятельств гибели, с установкой памятников и т.д. Но как это ни жестоко и дико, такая дорога для забитого советского народа оказалась на долгие годы закрытой. Мы были как будто вовлечены в заговор молчания. Нашему партийному правительству ведь было, что скрывать от народов всего мира. А ключи от архивов КГБ, находившиеся в их железных руках, позволяли надеяться, что правда об инквизиторских делах их предшественников канет в вечность. Тем не менее, люди писали о чудовищных фактах из своих судеб, и писатели, и не профессионалы, сохраняя рукописи под замком в надежде на будущее.

В 1976 году на ленинградском Серафимовском кладбище рядом с могилой маминого брата Константина Васильевича Филиппова, похороненного в 1957 году, на гроб которого мы с мамой тогда же кинули горстку земли, вручённую нам священником Спасо-Преображенского собора при заочном отпевании папы, мы воздвигли на символическом захоронении небольшой гранитный памятник с эпитафией и барельефом отца.

Мама не дожила ни до начала крушения коммунистического режима, ни до появления в печати её воспоминаний.

В 1984 году, 12 июля, в возрасте 90 лет мама ушла из жизни, без мучений, до последнего дня сохраняя ясную голову и память. Только за неделю-две до смерти, слабея, перестала читать.

Вечная ей память!

Подошёл конец 80-х годов. И стало казаться, что в разрезе жизни бескрайней нашей страны стали происходить какие-то сдвиги в сторону свободы.

В аспекте моего личного многолетнего стремления во что бы то ни стало добиться сведений о судьбе моего отца после 1937 года, тоже начали осуществляться перемены.

Так, в марте 1988 из Медногорска от работников городского архива, с которым я поддерживала связь, пришло сообщение:

«К 50-летию города Медногорска оренбургский писатель В.Альтов, который работал у нас в архиве почти месяц, пишет книгу о людях-первопостроителях медеплавильного комбината и о Вашем отце».

Списавшись с Владимиром Григорьевичем Альтовым, вскоре получила от него ряд вырезок из газеты «Медногорский рабочий», где начали печатать отрывки из его будущей книги, повествующей о трагическом этапе предприятия в мае 1937 года.

Оглядываясь на 70-е годы, изумляюсь своим многим бесплодным попыткам в течение 10 лет напечатать в память об отце очерк в каком-либо из журналов с горнорудной тематикой, типа «Горный журнал». Даже дата смерти – 1937 год – издателей настораживала. Тем не менее, поработав в газетном архиве Ленинградской Публичной библиотеки, я по публикациям 30-х и 70-х годов постаралась составить достаточно технически оснащённый очерк о строительстве медеплавильного комбината, руководимом отцом. Материалы свои я направляла, например, академику Н.В. Мельникову (намеревавшемуся в 1974 году выпустить книгу «Горные инженеры»), и четырьмя годами позже ему же в связи с предстоящим изданием четырёхтомной «Горной энциклопедии». И ещё в ряд адресов, увы, с одинаково отрицательным эффектом. Большинство из всех этих достаточно пожилых академиков и редакторов вскоре умерли.

Утопая в пыльных подшивках старых газет, заглянула и в современные оренбургские газеты. И что же? В местной газете «Медногорский рабочий», в мартовских выпусках 1979 года, под рубрикой «Медногорску – 40», я наткнулась на обширную статью за подписью журналиста Н.Омельченко, где делался подробный экскурс в историю создания «прославленного», сказано, медносерного комбината, с повествованием о «знаменитых» штукатурах, механиках, проходчиках, стахановцах и т.д. И ни слова – о руководителях-разработчиках и мощной когорте инженеров, освоивших грандиозное медно-колчеданное месторождение, и проектировщиках, поднимавших строительство комбината.

Тут же списавшись с Николаем Терентьевичем Омельченко, я выслала оказавшемуся отзывчивым и порядочным корреспонденту некоторые просимые им материалы. И уже 19 июня 1979 г. в том же «Медногорском рабочем» была опубликована на 4-х столбцах, с крупным портретом моего отца, статья Омельченко под заголовком «Живые помнят». В ней, на основании архивных документов и свидетельств ещё живых очевидцев, журналист рассказывал:

«Прибыв в 1933 году на железнодорожную станцию Бляву, П.П. Евангулов освоился с объёмом работ... и через своих ближайших помощников, инженеров и бригадиров, обладая характером оптимиста, чувством юмора, умело и по-деловому сплотил вокруг себя людей и организовал их труд. По его проектам разрабатывались шахты и штольня. Под его непосредственным руководством прокладывались под землёй ж/д пути узкой колеи для вагонеток, в которых вывозилась руда лошадьми, а затем с помощью аккумуляторных электровозов. По проектам Евангулова П.П. строились медно-серный завод, Сакмарский водовод от Рамазана до строительства, железная дорога от рудника до завода и станции...».

В книге В.Альтова говорится об этом водоводе в связи со срывом сроков пуска комбината уже в конце 1938 – в начале 1939 годов:

«Риск был, и немалый, в одном – от Рамазана до завода сумели проложить лишь одну нитку водовода (в 1935 под руководством и по проекту отца). Сделана она добротной, но мало ли что могло случиться. Ждать, когда будет построена резервная – значит, ещё на долгие месяцы отложить и без того затянувшийся пуск (Альтов В.Г. Медногорск. Челябинск, 1989. С.88)».

Автор статьи позже сообщил, что часть текста, касавшегося ареста отца, редакция, соответственно с «установками выше», изъяла.

Н.Т. Омельченко, успев совершить праведный поступок, 27 января 1985 года, к сожалению, ушёл из жизни.

(Продолжение в следующем номере).